

Известие было ошеломительным — так ударяют обухом по лбу. Какое-то время Драгунов метался по квартире, не зная, что делать. Выпить хотел, но сказал себе — нет. Торопливо оделся и вышел.

Крещенский мороз припекал на дворе, но еще сильнее сердце припекало то, что Драгунов узнал по телефону, что заставило безотлагательно шуровать на вокзал.

Поезд, как нарочно, тащился медленно, корячился, как каракатица, когда в гору влезал. А потом, когда мчались по ровному — колеса тараторили одно и то же стальное слово: «Продали!.. Продали!.. Продали!..»

И снова за горло хватала тоска, когтями раздербанивала душу Драгуна — так Драгунова прозвали еще со школы.

И вдруг под ухом женский, чуть грубоватый голос:

— Андрей Фотьянович! Ау! Чай будете?

— Чего? — Он повернулся к проводнице. — А вы откуда знаете меня?

— Оттуда. Из билета. Ну, так что вы скажете насчет Чайковского?

— А как насчет Моцарта?

— Не поняла, простите.

Драгун поморщился.

— Чайковский, между прочим, от слова чайка, а не чай. Понимаете разницу? Нет? И вообще... Чай при такой холодрыге — дело хорошее, но... — Пассажир оттопырил пыльцы, изображая намек на поллитру. — Как насчет этого?

Проводница надулась на то, что ее стали «жизни учить».

— Распальцовку свою делать будете в вагоне-ресторане, — вежливо, но твердо отбрила.

— Правильно, — уныло согласился пассажир, — с нами, алкашами, только так.

Вагон был плацкартный, до потолка набитый бестолковым «броуновским движением» — так представлялось ему, бывшему физику. Кругом гомонили, толкали в лицо ароматно пахнущие ноги, свисающие с верхних полок.

В промозглом тамбуре, куда он вышел покурить, морозы окно запяляли полупрозрачным ледяным свинцом. Андрей Фотьянович, хрипя, горячо подышал на стекло — открылся округлый глазок, замигал синевой поднебесной.

Драгун, забывая о куреве, сутуло стоял, напряженно смотрел в белизну полуденной округи, скупо осененной солнцем середины января — только белое пятно угадывалось в морозостойком маре. Иногда за окошком мелькали деревенские избы, как будто сбегали с привычного места в поисках счастливой доли. Иногда вдалеке, а порой и поблизости вспыхивали золотом купола и шпили новых церквей, и это не могло не радовать, хотя одновременно и печалило. «Церковь не в бревнах, а в ребрах!» — вот такая поговорка вспоминалась. В России в последние годы появилось много церквей именно в бревнах, а в ребрах, в душе человека — увы. А иначе откуда весь этот разор и позор, проплывающий за окнами поезда? Ведь не от Бога же все это — от нечистой силы происходит обнищание народа, живущего на богатой и обширной территории.

«Кто виноват? — сам себя спросил Драгун и вспомнил песню студенческой юности: — Это гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот!»

Хлопнула дверь. Кто-то рядом замаячил.

— Огоньку не найдется?

— Держи, — Драгун протянул зажигалку.

Курильщик взял и тут же ухмыльнулся:

— На тебе, боже, что нам негоже. Она ж у тебя не фурычит.

Драгун по карманам пошарил, спички достал.

— Во! — похвалили. — Это надежней.

И тут произошло нечто такое, от чего курильщик рот разинул — чуть папироса не выпала. Собираясь отдать коробок со спичками, Андрей Фотьянович руку так отдернул, точно обжегся.

— Перебьешься! — зарычал он, спрятав коробок за пазуху.

Изумленно вскинув черные лохмашки сросшихся бровей, курильщик хохотнул.

— Во народ пошел — удавится за спичку!

Драгун молчал. Не мог он, не хотел сейчас говорить о том, что коробок этот для него — как самый драгоценный талисман или оберег, связанный с памятью о матери. Как всякий русский человек, хлебнувший горькой доли, матушка была человеком запасливым. Спички, крупы, сухари, сахар, соль, стиральный порошок — все это в доме у нее заготовлено впрок. А после похорон — по древней православной традиции — нужно было взять себе что-нибудь на память. И вот тогда-то, два месяца назад, собираясь уезжать после поминок, Андрей Фотьянович взял мамины спички, три коробка прихватил и решил беречь пуще глаза. Вернувшись в город, он никогда не позволял себе прикурить от маминой спички, только свечку зажигал порой по вечерам, подолгу смотрел на животрепещущее золото, думал о чем-то, надсадно вздыхал.

— Не обижайся, земляк, — примирительно сказал Драгун и, наконец-то, высек искру из зажигалки. — Прикуривай. Не знаешь, где тут вагон-ресторан?

Земляк был хорошо упитан и вполне прилично упакован, хотя руки — крупные и жилистые — выдавали рабочую кость.

Сделав несколько жадных затяжек, толстощекий добродушно ответил:

— Пошли. Я тоже туда нацелился.

В вагоне-ресторане, пропустив по рюмахе, они познакомились, разговорилась.

— Родительского дома больше нет! — разоткровенничался Драгун, до побеления сжимая кулаки. — Продали. Да как продали-то? Молчком. Тайком. Срок вступления в наследство — шесть месяцев. Так? Так. Вот почему я думал, что у меня в запасе время есть. Хотелось еще хоть разок приехать, немного пожить и по-человечески проститься с нашим родовым гнездом.

— А чо случилось-то? Пожар?

— Да если бы пожар, тогда другое дело.

— А чо? Наводнение?

— Какое наводнение зимой? Младшая моя сестрица и мой брат, они, оказывается, уже давненько стали законными хозяевами и потому заимели право продать, когда хотят. Родители на них оформили бумагу.

— А ты, значит, сбоку припеку?

— Да я не в претензии. Как родители решили, так и ладно. Брат и сестра, они все время были рядом, всегда помогали родителям. А я всю жизнь гонялся за туманами — по морям, по горам.

— Геолог, что ли?

— Не в этом дело. Ни брат, ни сестра почему-то ни словом не обмолвились насчет бумаги, когда я приезжал на похороны. Зачем они из этого сотворили тайну мадридского двора? Ну, отписали вам родители избу — и на здоровье. Что я, хапуга? С вилами или с топором пойду на них?

— И такое бывало. С топорами ходили, с вилами и ружьями наперевес.

— Дабрось ты ерунду пороть, — уныло отмахнулся Драгун. — Мне и надо-то было — приехать еще разок, по-человечески проститься с нашим родовым гнездом. Я думал, время есть еще. Я совсем недавно звонил сестре и спрашивал: «Как у вас дела? Чем занимаетесь?» А мне в ответ: «Печку топим, снег отбрасываем». А на самом-то деле они в это время с родительского дома сдирали кожу — снимали ковры и портреты, выволакивали мебель на мороз. А потом сестрица позвонила и сообщила жизнерадостным голосом — все, мол, продали. Разве так можно?

— Хозяева. Что хочу, то ворочу. Ну, а теперь-то, Фотьяныч, ты зачем разогнался туда?

— Не знаю. На месте сидеть не могу. Сделку обратно хочу отыграть.

— Думаешь, получится?

— Надеюсь.

— Ну, дай-то бог.

— Я вот только одного не могу понять... — разгоряченно продолжал Драгун, — почему они решили сделать все втихую и поставить меня перед фактом, как чужого соседского дядю? Всегда отличавшиеся тактичным поведением, как они могли забыть элементарное? Ведь кроме пресловутой материальной доли, на которую я вообще не претендую, есть еще доля духовная, доля моральная...

Толстощекий попутчик разлил по рюмкам — они тряслись на столике, будто приплясывали. Попутчик улыбнулся неизвестно чему, но тут же посерьезнел, успокаивая:

— Мудрецы какие-то, не помню, сто лет назад сложили складные слова. Мудрецы говорили, что жизнь человека всего лишь процентов на десять состоит из того, что с человеком случилось и на девяносто процентов — из того, что человек об этом думает. И это, Фотьяныч, действительно так. Это правда. Так что хватит, хватит водку в ступе толочь. Надо охладить себя, окоротить. Переключиться надо. Все. Проехали. Что было, то было вчера. Давай лучше выпьем за то, что...

— Погоди, мудрец, послушай. Я главного еще не рассказал.

Наболело в душе Драгуна, да и намолчался он изрядно — жил холостяком, друзьями не оброс. Разоткровенничался он, разгорячился, и было похоже на то, что его не скоро теперь остановишь. Но тут внезапно поезд остановился. Мало того — за окном что-то ухнуло, вроде как пушка...

— Что за хреновина? — изумился Драгун, протирая окно.

— Расстреливают, — спокойно сказал собеседник.

— Кого?

— Непокорных.

— Каких непокорных?

— Да вот таких, как ты. Сидишь, ругаешь власть, которая... А власть, Фотьяныч, она не дремлет. Она ведь доберется до тебя. Будь осторожен. Чо ты разорался?

Ошалело посмотрев на собеседника, Драгун прищурился.

— А ты не власть, случайно?

— Нет, я работаю. Просто получаю хорошо, вот и приоделся, как этот, как пижон. Это жена постаралась, принарядила.

— Пижон, — задумчиво сказал Андрей Фотьянович, — это человек, у которого количество жен равно числу «пи».

— Как это? А ну, переведи на русский.

И опять в тишине за окном где-то бухнула пушка.

— А-а-а! Вот в чем дело! — веселея, вспомнил Андрей Фотьянович. — Горные лавины расстреливают. Давненько я не был в этих краях. Забыл. Лавины тут часто съезжают.

— Теперь не съезжают. Теперь их расстреливают. Без суда и следствия.

«Какой веселый хмырь, — раздраженно подумал Драгун, отодвигая рюмку. — И чего это я перед ним рассыпаюсь, как бисерный?»

— Лавины — дело серьезное. — Андрей Фотьянович снова за окошко посмотрел. — Лавины проклинал еще Ганнибал.

— Кто? Какой амбал?

— Ганнибал. Один из величайших полководцев. Когда он предпринял переход через Альпы — лавины всех слонов угробили. А кроме того, погибла куча пехотинцев и много всадников.

— Понятно. А ты кто, Фотьяныч? Не учитель?

— Учитель у нас один — это жизнь. А я так себе. Физик. Теория элементарных частиц. Тебе это знакомо?

— Ну, еще бы. У нас на работе то и дело говорят: «Да это же элементарно!»

Негромко посмеялись, не глядя друг на друга. Вышли из вагона-ресторана, спрыгнули на свежий снег, витиевато вышитый птичьими крестиками — следы возле кустов, возле деревьев.

Крещенский морозяка стервенел — заминусило почти под сорок. Где-то вдали временами приглушенно ухало, точно филин в горах. Земля под ногами чуть заметно вздрагивала. С ближайших кустов и деревьев спархивала кухта — воздух играл переливами призрачных павлиньих перьев. Величавые вершины и хребты, будто раненные из пушки, с каждой минутой все больше краснели, истекая закатной кровью. А в долинах

между хребтами синева с багрецом постепенно обугливались, перегорая.

— И долго мы торчать здесь будем? — вразной гомонили возле вагонов. — Ночевать? Да вы что, издеваетесь?

Лавины тут расстреливали с самого утра, так что пассажирскому составу повезло — люди недолго томились. Минут через сорок тепловоз обрадовано рывкнул, раскатывая эхо по горам, и с новой силой раздухарился. На длинном перегоне состав немилосердно мотыляло — того и гляди, чтобы с рельсов не соскочил. И снова колеса на стыках тупо тараторили одно и то же слово: «Продали!.. Продали!.. Продали!..»

И опять Андрей Фотьянович со своим знакомцем сидели за столиком вагона-ресторана. И опять он горячо говорил о своем наболевшем. Говорил, не замечая, что его не слушают. Собеседник тяпнул лишку и осоловел, поминутно закатывая очи под лохмашки черных сросшихся бровей. И там, где нужно было бы скорбеть от рассказа, он улыбался мокрогубою улыбкой идиота.

Через какое-то время пассажирский состав заскрипел тормозными колодками и застопорился. В тишине стало слышно, как двери вагонов захлопали. Затем шаги под окнами по снегу — словно кто-то огромный разгрызал мерзлую огромную капустную кочерыжку.

— Вот уже и потемнело, — глядя в окно, сказал Драгун, — зимний денек — воробьиный скок. А чего мы стоим? Опять, что ли, кого-нибудь расстреливают?

И вдруг его как будто кипятком ошпарили.

— Это чо? Благовещенка?! — закричал он, подскакивая.

— Вещи-то? — пробормотал собутыльник, спящий лицом на столе.

— Вещи-то? Я належке.

Драгун побежал по вагонам, там и тут плечами ушибаясь о железо. И только-только он успел шапку в охапку схватить и выскочить на перрон — состав содрогнулся и плавно отчалил, покачиваясь в море замороженного мрака.

Дальше добирался он автобусом — несколько часов по серебрястой от луны до полусмерти выстывшей степи. Только и это было еще не все. После автобуса предстояло шуровать пешкодралом.

Раньше здесь была дорога, хорошо укатанная гравийка. Потом половодье поперло, разгрызая придорожную насыпь, но это никого уже не волновало: страна Советов рухнула, бездорожье овладело не только русскими землями — в душах и сердцах, в умах — повсюду расплзлась бездорожица, поросшая пылью да чертополохами

Недалеко было идти, но все же неприятно топтать ночью, когда прижимает мороз, так прижимает, что дерево стонет в бору или даже стреляет продолговатой жутковатой морозобоиной: точно молния в дерево бьет. Весною в юности и летом красным в молодости Драгун ходил играючи этим путем — неумная сила кипела тогда в человеке, животворный огонь колобродил по жилам. Драгун теперь как вспомнит — сам себе не верит. Укатали сивку крутые горки. А точней сказать — дурные гонки. Был он гонщиком когда-то — косточки ломал на виражах. Дальнобойщиком был — за северным сиянием гонялся по дорогам Заполярья. Много чего было в пестрой жизни. По образованию он физик, но после развала страны, когда физики и лирики стали не нужны, пришлось заниматься черт знает чем.

Темнота в родном селе, куда он от усталости притащился уже на дрожащих и полусогнутых, темень египетская была такая, будто селение вымерло. Тихо. Ни стука, ни грюка. И даже луна, как разбойница, спряталась за черной маской облаков — поблескивали только дырочки для глаз.

Поначалу Драгун вознамерился пойти к сестре — переночевать, а по утранке...

Задумавшись, он остановился в переулке — впереди оказался тупик, заваленный хламом.

«А что по утранке? — Он машинально чиркнул зажигалкой, не дающей искры. — Что? Я пойду в свой дом родной, который стал чужим? Постучусь к новоселам, постою на пороге, потея, как бедный родственник, да?»

И опять навалились раздумья о родительском доме, которого теперь уже нет на Земле. Всю дорогу, покуда он ехал, покуда шел, Драгун пытался как-то приспособиться к печальным обстоятельствам. Пытался приучить себя, приручить к неизбежной мысли о «бездомности». Однако нет и нет, не получалось. Слишком

велика была потеря. С такими большими потерями сердце не сразу смиряется.

Из-под крыши мамкиного дома он ушел в самостоятельную жизнь в пятнадцать лет и почти полвека исправно возвращался в этот дом — даже из самого дальнего далека прилетал, приезжал, приходил. А теперь вот все, капец — дверь заколочена. После смерти матушки и прошло всего ничего — два месяца. И вдруг звонок: продали. Да, он знал, что будут продавать, только не мог представить, что сестренка с братом сделают все это так скоропостижно, почти вероломно. Он был далек от мысли, будто родня пытается его обжудить. Нет. Но лукавство в их поведении все же было. Приступая к продаже родового гнезда, они решили «скромно» промолчать и для этого имелись причины. Во-первых, покупателей на дом в селе немного — надо ковать железо, куда горячо. Во-вторых, сестрица вся в долгах, в кредитах — деньги нужны для погашения больших процентных ставок. А в-третьих, сестренка с мужем нацелились переехать в город — после смерти родителей ничто их уже не держало в селе. А для переезда в город, где нужно покупать квартиру, немалые деньги потребуются. Вот почему они решили промолчать насчет продажи дома: если только заикнуться о продаже — брат Андрюха может помешать. Он по характеру лирик, несмотря на то, что физик по профессии. Он втемяшил в голову себе, что с домом родительским нужно проститься по-человечески. Может, даже священника вызвать и освятить, водичкой святой окропить напоследок.

— Ага! Сейчас! — сквозь зубы процедил он, шагая по черному, будто горелому, снегу, хрустящему, как ржавое железо.

Куда он шел? Куда глаза глядели. Ноги сами собой привели под окна родительского дома. И опять ретивое заныло — сердцебой под ребрами стал таким заполошным и громким, что Андрей Фотьянович остановился возле ограды, как будто опасаясь громом сердца своего разбудить чужих людей в родной избе. Хотя почему он решил, что там уже кто-то живет? Может, не успели еще въехать.

Он долго стоял у ворот, не чувствуя свирепости мороза — настолько горяча была взволнованность. «Вот ведь как придется приезжать на родину. Как преступник, елки. Как беглый

каторжник, — метались мысли в голове под мохнатой шапкой, даже капли пота поплыли по щеке. — А я-то, наивный, надеялся пожить еще в родительском гнезде, побыть в окружении милого мира, с которым придется распрощаться, чтобы в этот мир впустить других людей, пускай даже хороших, но все-таки чужих. А теперь вот все, капец. Теперь мне остается только приезжать на родину и в качестве бедного родственника стоять вот так, смотреть на окна и вспоминать. Вот в это крайнее окно я когда-то в соловьиной юности влезал через форточку — за полночь вернулся от любимой девахи, а дверь закрыта. А вот на этом окне, на подоконнике, сидела младшая сестренка — от горшка два вершка. Сидела, а потом вдруг сиганула с подоконника на диван, а там лежал двухмесячный братишка — чуть не раздавила бедолагу. И теперь вот они, повзрослевшие, стали полноправными хозяевами дома и поспешно как-то, суетливо продали, старшему брату ничего не сказав. Да, конечно, в родную избу можно будет завтра постучаться и войти, постоять, смущенно озираясь, душеньку потешить ностальгией. Но делать это — переступить порог своего прошлого в качестве гостя — я не хочу и не буду!»

И вдруг — наперекор своим раздумьям — Драгун вошел в ограду и кулаком несколько раз потарабанил по двери. Постоял. Прислушался. Нет никого. Значит, пока что не переехали. Он пошарил под ковриком и ухмыльнулся: «Ага! Сейчас! Меня тут только и ждали! Новые хозяева для ключа придумали новую ухоронку. Или с собою забрали ключ. А кто хозяева? Надо было спросить у сестры. А зачем? А затем, что я поеду на Крайний Север, зашибу хорошую деньгу и выкуплю родовое гнездо. Ага! Сейчас! Какой там Север, к черту? Кого ты обмануть пытаешься, Андрюха? Себя? Или вот это огородное пугало?»

Потоптавшись на крыльце, он постучал в окошко и окончательно убедился в том, что дом — пустой. Понурился, не зная, что делать, он в нерешительности поплелся в гараж — дверь закрыта «на щепочку».

Легковушку отца, умершего год назад, допотопный советский «Москвич», отцовскими умелыми руками на несколько рядов отремонтированный, продали, когда матушка была еще жива. Но в гараже, почти опустошенном, остались кое-какие железки.

Вооружившись ломиком, Драгун вознамерился замок сковырнуть. Но ломик так противно и так громко заскрежетал, как будто зуб выдергивали из родного дома. Андрей Фотьянович скривился и перестал «работать стоматологом» — жалко с мясом выдирать пробой, тот самый пробой, который Драгун года четыре назад самолично поставил, когда в отпуск приезжал из Мурманска. Отбросив ломик, Андрей Фотьянович постоял под навесом родного крыльца. Горячей ладонью погладил боковую доску и почувствовал шероховатый сучок, похожий на деревянную родинку на носовой щеке. «Нет, — стал он уговаривать себя, — не надо в избу заходить. Ну, сорву я замок и войду. И что я там увижу? Нет! Я хочу, чтобы в памяти, в сердце моем все в родительском доме осталось так, как было при жизни матушки. Пускай там навсегда останутся скромные портреты на стенах, скромные фотографии и вся небогатая наша, скромная обстановка, образ которой согревал меня и в морях, и в горах, и на самом-самом Крайнем Севере. Какое-то время этот образ еще будет согревать золотым огнем воспоминаний, но потом погаснет в памяти, сотрется. Вот почему теперь в душе такая жгучая тоска и тихий волчий вой. Напиться бы, но водка горю не поможет, водка только множит горе на Руси. И что же теперь делать? Идти к сестре? Разбудить и спросить: какого хрена вы так поспешно продали? Так поспешно, будто на пожар. Так поспешно расстаются только с тем, что не дорого сердцу. Хотя, наверно, я неправ. Да, неправ, конечно. Потому что не физик, а лирик. А вернее — шизик. Дом без хозяина — дом-сирота. Зачем же он будет простаивать? Мозгами понимаю, а сердце — против. Ну, ведь не все же измеряется деньгами, Господи! Хотя уже так много в нашей новой русской жизни измеряется именно деньгами. А я все о душе, все о душе, тогда как нужно перестроиться — жить умом, расчетом. Но, видно, права поговорка, в которой горбатого только могила исправит. И, может быть, скоро, совсем уже скоро придет исправление. В жизни моей начинается новая какая-то страница — белая, как снег, холодная, как лед, страница бездомности. Одна из последних страниц, как мне кажется. Да! «Я остался без крова — обескровленный стал. Пошатнулась основа. Подломился устав!» Где это я прочитал? Не припомню. А может, я сам сочинил? Я же не физик, а лирик...»

Он поднял ржавый ломик — в гараж отнести. И лучше бы он этого не делал. Снова оказавшись в гараже, Андрей Фотьянович неожиданно вспомнил о нехитром заглашнике покойного бати. Не сказать, чтобы мамка гоняла его по поводу выпивки, нет, батя был в этом деле человеком умеренным. И все-таки заглашник у него имелся: поллитра самогонки на тот случай, если в доме «старый завод» закончится, а новый еще не подоспел.

Надежды было мало, что в заглашнике что-нибудь есть. Но удача вдруг пошла навстречу — блеснула стеклянной улыбкой, подмигнула стеклянным глазом. Доброкачественный самогон, черт знает какой чудесной крепости шарахнул по мозгам и все печали мигом вылетели прочь. И Драгун, ослабившись, подумал: «Ну, вот теперь-то можно и до сестры дойти. И раздать всем сестрам по серье!»

Выходя из гаража, он запнулся о какую-то пустопорожнюю хренотень — заунывно загремела во мраке. И что-то злое, что-то даже свирепое, дикое внезапно всколыхнулось под сердцем Драгуна.

Он посветил зажигалкой — предварительно долго пришлось потрясти. Увидел какую-то пыльную рухлядь, помятые банки, железки, две или три канистры. Зажигалка погасла. Впотьмах поднял канистру и встряхнул — пустышка. Бросил. Взял вторую, поболтал — тоже пусто. А третья канистра оказалась увесистой — полная почти наполовину. От волнения облизывая губы, Драгун заторопился, словно боясь передумать.

В морозном воздухе ядовито и резко завоняло бензином. Холодные бревна избы, нижние венцы потемнели, щедро облитые. Где-то завыла собака, заставляя поежиться. Драгун зажигалку достал, встряхнул и чиркнул раз, второй, но зараза эта снова не фурычила. И тогда пришла на память мамина коробка. Он стал лихорадочно шарить по карманам — не сразу отыскал.

Спичка сломалась в дрожащих пальцах. Коробка, словно живая, дернулась в руке и выскочила. Драгун пошарил, как слепой, по сухому снежному крахмалу. Поднял коробок и раскрыл, но сделал это так неосторожно — все спички выпорхнули веером на снег.

— Ну, бляха-муха, — криво улыбаясь, пробормотал он и потряс коробок возле уха. И понял, что там остается всего одна-

единственная спичка. Неприкосновенная. Мамина. Там, откуда он приехал, были еще спички, а тут — последняя.

— Для хорошего дела не жалко! — мрачно заявил Драгун, бросая зажженную спичку. — Эта горячая память теперь будет вечно со мной!

Красный петух побежал по завалинке, растрясая перья и горлом клопоча, словно окликая других таких же красных петухов. И пламя, огромное пламя, охватило дом так быстро, как будто он бензином был облит до самой крыши, до того смолистого конька, который торчит из бревна с позабытым названием — охлупень. По сугробам заплясали багровые всполохи. Безобразные тени стали шарахаться, точно духи какие-то — домовой или кто там? — торопились покинуть многолетнее свое пристанище. И тогда — запоздало уже — Драгун засуетился вокруг пожарища. Он пальто с себя содрал, разбрызгивая пуговики. Стал размахивать в попытке погасить то, что невозможно погасить даже пожарной машине с полной цистерной воды. Пальто загорелось — он бросил пальто. Он стащил с себя последнюю рубаху и опять стал противоборствовать, заполошно призывая на помощь. Потом он упал, задыхаясь от дыма, — лицом уткнулся в снег, который оказался почему-то сухим и теплым, точно пух.

Кто-то взял его за плечи, растормошил.

— Андрюха! Ты чего? Кошмары мучают?

Отрывая лицо от подушки и растарачив глаза, Драгун не сразу понял, где находится. Он лежал на кровати в избе соседа — бывшего соседа — по материнскому дому.

Неожиданно резко подпрыгнув, Драгун головою чуть стекло не высадил — так быстро подбежал к холодному окну.

— А где? — захрипел он. — Где наш дом?

— Наш дом — дурдом, ты разве не заметил? — Сосед некстати хохотнул. — Что творится в стране! Вот козлы!.. А ты-то чего всполошился? Ты чо там увидел?

Родительский дом, стоящий напротив, целый и невредимый, мрачно выделялся на голубовато-сером фоне предрассветного неба.

— Ну, слава тебе, господи, — прошептал Драгун, наконец-то отлепив от стекла разгоряченный и вспотевший лоб.

Зазвякала посуда — сосед что-то на стол собирал.

— Раз уж ты поднялся, давай маленько примем, подлечим организм. Нынче воскресенье, отдыхаем. Можем на рыбалку закатиться. На Золотое. Ты как, Андрюха?

Он молчал, наморщив переносицу. Он мучительно пытался вспомнить, как попал в эту избу и как зовут гостеприимного этого дядьку. Вспомнить не смог и вздохнул. Пошарил по карманам — коробок с единственной спичкой отыскал.

— Ну, ладно, — тихо сказал, — я пойду.

Рюмка чуть не выпала из руки соседа.

— В такую рань? Куда? Ты чо? Даже петух еще не кукарекал.

— Вот и хорошо, — уже от порога ответил Драгун, — хорошо, что обошлось без петухов. Пойду я. Извини за беспокойство. Хочу поставить свечку. Там рано должны открывать.

Студеное утро в степи занималось лениво и долго — солнце в туманах как будто примерзло к земле. Хотя мороз уже, как видно, на попятную пошел — кухта лохмотьями слетала с деревьев, похожих на цветущие черемухи.

По пустой проселочной дороге, сутулясь и понуриив голову, шагал человек. Шагал, не глядя по сторонам. Иногда он внезапно останавливался — точно лбом упирался в незримую стену. Перед глазами у человека время от времени пропархивала стайка снегирей, как пламя неосуществленного пожара. И вот от этого красногрудого полымя, а точнее, от мысли, что поджога удалось избежать — губы дрожали, слезы наворачивались, слезы благодарности тому, кто уберег от жуткого греха.

Останавливаясь, человек оглядывался. В том селе, откуда уходил он, золотился купол новой церкви — вот что человек ловил глазами, прежде чем дальше пойти. Неумело, коряво пытаясь перекреститься, он бормотал отрывки из молитвы, которую помнил с пятого на десятое:

— Господи! Дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить. Дай мне мужество изменить то, что я могу изменить. И дай мне мудрость отличить одно от другого.

И опять он шагал по дороге в какую-то неведомую даль.

И вдруг он улыбнулся, размазывая слезы по щекам.

Господь, наверно, дал ему хотя бы каплю мудрости, и этого хватило, чтобы осознать: родительского дома больше нет, зато ему в наследство досталось вот это великое здание — необъятное мироздание среди русских деревень, сел и городов, среди полей, морей, многочисленных рек и озер, над которыми громоздятся горные хребты, иногда грозящие снежными лавинами.